

Цзян Чжао почувствовал, как у него в икрах резко свело мышцы. Мать уже закончила с завтраком, и в её голосе сквозила сухая деловитость:

— Отец в командировке, не успевает вернуться, поэтому просил тебя сходить вместо него и возложить цветы на могилу того парня. Ну что за ребенок, как можно забывать о таких важных вещах? Он ведь в конечном счете из-за...

Мать искоса взглянула на него, в её глазах читался легкий укор. В голове у Цзян Чжао была полная каша. Из-за чего? Она словно хотела что-то добавить, но, заметив присутствие главного героя-шу, осеклась. Окинув его придирчивым взглядом, она безапелляционным тоном заявила:

— Доешь завтрак и иди переоденься. Что это на тебе надето? Кто же ходит на поминки в красном?

Последняя фраза прозвучала тише. Цзян Чжао в замешательстве опустил голову. Только сейчас он заметил, что на нем была ярко-красная толстовка в стиле ретро с серым узором на рукавах. Вероятно, благодаря его необычайно красивому лицу этот цвет не выглядел скучно — напротив, он казался вызывающе ярким. Цзян Чжао вздрогнул и, почти рефлекторно вскочив со стула, даже не доев, поспешил наверх переодеться. На этот раз он выбрал черно-белую одежду.

Аппетита не было, и Цзян Чжао, едва прикоснувшись к еде, отложил палочки. Зато главный герой-шу задержал на нем взгляд дольше обычного. Его глаза казались равнодушными, но в них таился какой-то странный, не поддающийся описанию блеск. Цзян Чжао как раз в этот момент опустил голову и пропустил этот взгляд.

Обычно Цзян Чжао ездил с матерью в одной машине, но теперь, когда к ним присоединился Линь Юйюнь, места стало не хватать. Тот слегка опустил глаза:

— Тетушка, давайте я поеду с Чжао Чжао. Мы, молодежь, поболтаем, чтобы не утомлять вас.

Судя по виду матери, это предложение пришлось ей по душе.

Цзян Чжао же хотел ехать один. Сейчас он подозревал всех вокруг, боясь, что в любой момент кто-то из них сорвет маску и оскалится, как демон. Возможно, из-за праздника Цинмин погода стояла хмурая: небо затянуло серой дымкой, вот-вот должен был начаться дождь. Могила главного героя-гуна находилась на горе в пригороде, до которой нужно было ехать два часа. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее портилась погода, и когда они вышли из машины, небо уже затянули тяжелые свинцовые тучи — собирался ливень.

Они поднялись на вершину, где стояло надгробие. Оно одиноко возвышалось на самом верху. Если бы не этот камень, никто бы и не догадался, что под слоем земли покоится молодая жизнь, жизнь одного из главных героев этого мира. Цзян Чжао замедлил шаг, а затем и вовсе остановился.

Он увидел фотографию на памятнике. Это был снимок из школьного удостоверения — семнадцатилетний подросток в строгой школьной форме. Объектив захватил воротник пиджака, из-под которого виднелась темно-красная рубашка, делавшая кожу на шее парня

неестественно бледной. Будучи главным героем романа, он, разумеется, обладал выдающейся внешностью. Цзян Чжао никогда прежде не видел никого красивее.

Эта красота была совсем не такой, как у Линь Юйюня. У того она сочеталась с утонченностью и мягкостью, за которыми скрывалась полная холодность — он ни о ком не заботился и никого не впускал в свое сердце. А главный герой-гун был... Цзян Чжао не знал, как правильно выразиться, но тот походил на молодого, высокомерного жоака стаи. В его взгляде читалась свирепость, но вместе с тем — невероятная, дерзкая притягательность, а на губах играла едва уловимая, почти призрачная усмешка. Такой парень в школе наверняка был звездой, за которым бегали толпы поклонниц. А теперь он лежит в холодном гробу, превратившись в горстку пепла.

Цзян Чжао внезапно охватила тоска. Мать обернулась и, слегка ткнув его пальцем в лоб, с досадой произнесла:

— Ну что за упрямство... Возьми, возложи ему цветы.

При этих словах Цзян Чжао весь напрягся. Принести цветы человеку, которого он, по сути, погубил, и делать вид, что ничего не случилось... Если бы главный герой-гун мог это видеть, не перевернулся бы он в гробу? Не вскочил бы, чтобы утащить его за собой?

Глядя на протянутый букет, Цзян Чжао невольно отступил на шаг и поспешно выпалил:

— Нет... я не буду!

Его реакция была слишком острой, а голос — чересчур громким. К счастью, Линь Юйюнь уже прошел вперед, и здесь остались только они с матерью. Мать сверкнула глазами и прошипела:

— Ты обязан возложить эти цветы.

Она бросила взгляд на Линь Юйюня, который был неподалеку, и, понизив голос, сквозь зубы добавила:

— Он погиб ради тебя, а ты даже цветов не хочешь возложить? Если это разлетится по округе, если дойдет до его родителей, что ты прикажешь делать отцу? Скажут, что семья Цзян не умеет воспитывать детей, раз вырастила неблагодарного волчонка?

Букет бесцеремонно сунули ему в руки, и ноздри тут же наполнил тонкий аромат. Запах роз... Линь Юйюнь как раз в этот момент обернулся, словно удивляясь, почему они еще не подошли. Цзян Чжао оставалось лишь отказаться от мысли вернуть цветы. Опустив голову, он двинулся вперед.

В руках он сжимал букет белоснежных роз. Крупные, плотные бутоны, лепесток к лепестку, без единого изъяна, с мелкими капельками росы — их пьянящий аромат мгновенно окутал его. Он подошел к холодному камню и, чувствуя на спине взгляд матери, склонился, чтобы положить цветы у подножия надгробия.